

На правах рукописи

ЛАЗАРЕВА АННА АНДРЕЕВНА

СИМВОЛИКА СНОВИДЕНИЙ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ:
ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОДЕЛИ И ЛИЧНЫЕ НАРРАТИВЫ

Специальность 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена в ФГБОУ ВО
«Российский государственный гуманитарный университет»
в учебно-научном Центре типологии и семиотики фольклора

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – доктор филологических наук

Христофорова Ольга Борисовна

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Белова Ольга Владиславовна – доктор филологических наук, ФГБУН
«Институт славяноведения РАН», ведущий научный сотрудник

Ахметова Мария Вячеславовна – кандидат филологических наук, ФГБОУ
ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», старший научный сотрудник

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ – ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»

Защита состоится «___» _____ 2018 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д.002.209.04 на базе ФГБУН «Институт мировой
литературы имени А.М. Горького» Российской академии наук по адресу:
121068, г. Москва, ул. Поварская 25а в ауд. ____

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт
мировой литературы им. А.М. Горького» Российской академии наук по
адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская 25а и на официальном сайте
института http://imli.ru/images/Diss_2018_Lazareva/lazareva-diss-2018.pdf

Автореферат диссертации разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Говенько Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Рассказывание сновидений и попытки их «разгадать» представляют собой актуальную в наши дни практику, о чем красноречиво свидетельствуют огромные тиражи сонников, появление многочисленных сайтов, выполняющих функции сонников, и интернет-форумов, посвященных обсуждению снов.

Исследования народной традиции толкования сновидений были связаны с двумя группами текстов: *краткими формулами толкования сна* (близкими по своей форме к малым жанрам фольклора: приметам, загадкам, поговоркам) и *рассказами о сновидениях*. Первоначально (**XIX – XX вв.**) ученые чаще обращались к формулам *если снится X – будет Y*, запись и систематизация которых концептуализировалась как сбор «народного сонника» (Е.Р. Романовым, Е.А. Ляцким, Н.Я. Никифоровским и др.). Фольклористы выявляют основные принципы связи между «X» и «Y» в данных текстах (метафора, метонимия, созвучие, обратное толкование), а также лежащие в основе этой связи культурные ценности и мифологические представления (С. Небжеговска, Н.И. Толстой, А.В. Гура и др.). В конце **XX – XXI вв.** появляются многочисленные работы, в центре внимания которых – нарративы о сновидениях (М.Л. Лурье, И.А. Разумова, Е.Ю. Живица, Е.В. Сафронов и др.). Учеными обосновывается их фольклорность и принадлежность к отдельному речевому жанру. Появляются классификации данных текстов (вещие сны, сны-гадания, иномирные сны, обмирания и т.д.), указывающие на разнообразие нарративов о снах. Изучая рассказы о «вещих» сновидениях, исследователи приходят к выводу, что основная идея подобных нарративов заключается в соотнесении приснившегося с реальными событиями, нахождении соответствий между сном и явью. При этом логику интерпретации сновидений фольклористы чаще всего объясняли с помощью отсылки к известным снотолкованиям. Хотя многие исследователи замечали, что процесс толкования сна гораздо сложнее, чем

«поиск нужной строки в словаре сновиденных символов»¹, на сегодняшний день в российской фольклористике отсутствуют комплексные исследования моделей интерпретации развернутых сюжетов сновидений.

Этим обусловлена **цель настоящей работы** – выявление интерпретационных моделей, лежащих в основе толкования снов, и изучение факторов, влияющих на осмысление сюжета сна. В диссертации описываются скрытые «механизмы» интерпретации сновидений, регулярно используемые при осмыслении увиденных во сне образов, однако не отраженные (или слабо/редко выражаемые) в записях «устного сонника», комментариях информантов, сопровождающих рассказ о сновидении, и других нарративах пояснительного характера.

Объектом настоящего исследования является *народная традиция толкования снов*, которая включает в себя:

- формулы *если снится X – будет Y*;
- практики толкования сновидений (процесс их обсуждения и интерпретации);
- нарративы о вещих снах.

Предметом исследования являются *модели интерпретации* развернутых сюжетов сновидений, которые не эксплицируются в виде кратких формул толкования сна и выводятся лишь при анализе нарративов о сновидениях.

Поясим **ключевые понятия**, которые используются в работе. Под термином *рассказ (нарратив) о сновидении* (далее также – *сновидение, сон*)

---

¹ Лурье, М.Л. Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции) / М.Л. Лурье // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. – М.: РГГУ, 2002. – С. 33. См. также: Разумова, И.А. Символика сновидений / И.А. Разумова // Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История / И.А. Разумова. – М.: Индрик, 2001. С. 93-94; Живица, Е.Ю. Устная народная снотолковательная традиция (на материале рассказов о снах): Дис. ... канд. филол. наук. / Живица Елена Юрьевна. – М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2004. С. 57-61; Сафронов, Е.В. Вещее сновидение и сбывшееся событие: механизмы соотнесения / Е.В. Сафронов // Народная культура Сибири: Материалы XIII научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. – С. 220-224.

подразумевается текст, содержащий пересказ сновидения (зафиксированный от респондента в ходе интервью, либо представляющий собой архивную или опубликованную запись).

Под «*вещим*» (*пророческим, сбывшимся*) *сном* понимается нарратив, содержащий пересказ сновидения и указание на реальное событие, которое, с точки зрения респондента, было предсказано во сне.

Под *толкованием (интерпретацией) сновидения* понимается ментальный и коммуникативный процесс, связанный с осмыслением приснившегося в рамках представления о возможности получить через сон некую недоступную в обычном состоянии информацию (о будущем, о неизвестном сновидцу настоящем и прошлом, об устройстве иного мира и т.д.), а также результат этого процесса – экспликация «значения» сна (например, рассказ о событии, которое воспринимается как реализация увиденного во сне пророчества).

Под термином *сновотolkование (формула/правило толкования сна, текст «устного сонника»)* понимается текст, построенный по принципу «если снится X – будет Y».

Понятие *модель* используется в работе в том значении, какое вкладывал С.Ю. Неклюдов в термин «мифологическая модель». Мифологическими моделями автор называет инвариантные для традиции структуры повествования («программы текстопорождения»), вмещающие в себя инвариантные смыслы, связанные с мифологическими представлениями о мире². Таким образом, под *интерпретационными моделями* в работе понимаются общие структурно-композиционные схемы, характерные для рассказов о вещих сновидениях, имеющих сходную направленность толкования.

В диссертации доказывается, что процесс интерпретации сновидений не исчерпывается применением формул «если снится X – будет Y»:

---

² Неклюдов, С.Ю. О мифологических моделях в устной традиции // С.Ю. Неклюдов // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве / Сост. А. Архипова. – М.: РГГУ, 2013. – С. 7-13.

развернутые нарративы о вещих сновидениях в ряде случаев устроены сложнее, нежели краткие правила толкования снов. Выдвигается *гипотеза* о том, что сюжеты сновидений, структура которых возводится к общему инварианту, получают сходные по логике и смыслу толкования (инвариантные значения). Особый акцент делается на том, как повторяющиеся структуры, которые выводятся при анализе нарративов о сновидениях (рассматриваемые в качестве особой «грамматики», или правил построения данных текстов), наполняются индивидуальным содержанием в личных нарративах. Последняя проблема подводит нас к вопросу о *прагматике* рассказов о сновидениях.

В работе решаются следующие **задачи**:

1) Изучение истории исследования народной традиции толкования снов (преимущественно в рамках фольклористики, на восточнославянском материале).

2) Выявление ключевых факторов, влияющих на формирование рассказа о вещем сне (определяющих установки сновидца относительно значения приснившихся образов и выбор модели интерпретации сновидения).

3) Выявление и описание интерпретационных моделей, с помощью которых истолковываются увиденные во сне объекты и локусы, имеющие аналог в реальности.

4) Рассмотрение моделей интерпретации сновидений, содержащих описание физических ощущений (включая обонятельное и осязательное восприятие), аудиальных сигналов и вербальных образов (речь и мысли сновидца, реплики персонажей сна).

5) Анализ типичного (повторяющихся элементов) и уникального (вариативной части) в группе рассказов о вещих сновидениях, возводимых к общей интерпретационной модели.

7) Сопоставление структуры и образно-мотивного наполнения мифологических рассказов (в которых повествуется о «событиях», произошедших наяву) со структурой и образностью нарративов о вещих сновидениях. Поиск общих текстопорождающих и интерпретационных моделей для обеих групп текстов.

Основным **материалом для данного исследования** послужили полевые записи, сделанные мною в Полтавской области (г. Миргород, с. Любивщина, с. Зубовка, 2012-2018 гг.). Всего было зафиксировано более 300 рассказов о вещих сновидениях и свыше 200 текстов, в которых эксплицируются правила толкования сна³.

Помимо экспедиционных материалов в диссертации использованы:

- 1) данные архива кафедры устного народного творчества МГУ им. М.В. Ломоносова;
- 2) материалы, приведенные в опубликованных работах по исследуемой тематике.

В диссертации изучаются тексты, записанные в разных восточнославянских регионах:

- **Украина** (Полтавская, Харьковская, Киевская, Николаевская, Черниговская, Волынская, Ровненская, Житомирская, Львовская, Винницкая обл.);
- **Россия** (Орловская, Брянская, Ростовская, Белгородская, Тульская, Ульяновская, Ярославская, Архангельская, Вологодская, Тверская, Рязанская, Новгородская, Ленинградская, Кировская, Нижегородская, Волгоградская обл., Краснодарский край);
- **Белоруссия** (Минская, Могилевская, Витебская, Брестская, Гомельская обл.).

---

³ Надо отметить, что подобное разделение условно, поскольку во многих случаях формулировка правил толкования сна является частью нарратива о вещем сновидении.

Такой широкий охват связан с тем, что цель исследования состоит не в описании локальной традиции, а в выявлении общих для восточнославянской культуры закономерностей, имеющих надрегиональный характер.

Основными **критериями отбора текстов**, входящих в исследуемый корпус, были:

1) *сакральная мотивировка рассказа* – восприятие респондентом своего сновидения как вещего;

2) *наличие попытки истолковать сон* – соотнесение сновидения с событием реальности по принципу «приснилось – сбылось», либо указание на потенциальное значение сна (гипотетическое толкование).

В качестве сравнительного материала использовались тексты других жанров и данные по восточнославянской этнографии.

Методологические принципы исследования

Методами сбора материала были глубинное интервью, групповое интервью, опрос.

Методы исследования

В работе использовались методы *структурно-семиотического* и *прагматического* анализа текста.

Продуктивность *структурно-семиотического метода* при изучении фольклорного материала доказана целым рядом исследований⁴. Успешность его применения при анализе рассказов о сновидениях продемонстрирована в работах С. Небжеговской, И.С. Веселовой, Е.В. Сафронова⁵. Структурно-

---

⁴ См. об этом: Мелетинский, Е.М. К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике / Е.М. Мелетинский // Семиотика и художественное творчество. – М.: Наука, 1977. – С. 152-170; Неклюдов, С.Ю. Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования / С.Ю. Неклюдов // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов научно-практической конференции. Вып. 3. / сост. В.Е. Добровольская, отв. ред. А.С. Каргин. – М.: ГРЦРФ, 1999. – С. 54-62.

⁵ Niebzegowska S. Polski sennik ludowy / S. Niebzegowska. – Lublin, 1996. – Рр. 119-125; Веселова, И.С. Структура рассказов о снах / И.С. Веселова // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. – М.: РГГУ, 2002. – С. 171-180; Сафронов, Е.В.

семиотический анализ нарративов о вещих снах позволяет выявить существующие в традиции модели толкования сновидений.

Метод *прагматического анализа текста* был разработан Дж. Остином и Дж. Серлем⁶ применительно к изучению речевых актов. Плодотворность его использования при анализе фольклорных текстов доказали исследования Е.С. Новик, С.М. Толстой, С.Б. Адоньевой, Е.Е. Левкиевской, О.Б. Христофоровой⁷. Данный метод используется с целью выявления факторов, влияющих на процесс формирования рассказа о вещем сновидении (пересказ сюжета сна, соотнесение приснившихся образов с реальным событием) и его дальнейшей фольклоризации. Прагматический анализ текста позволяет изучить функционирование выявленных с помощью структурно-семиотического анализа интерпретационных моделей при толковании конкретных сновидений.

Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты / Е.В. Сафронов. – М.: Лабиринт, 2016. – С. 97-154.

⁶ Остин, Дж. Л. Как производить действия при помощи слов? / Дж. Остин // Остин, Дж. Избранное. – М.: Дом интеллектуал. кн.: Идея-Пресс, 1999. – 329 с.; Остин, Дж.Л. Три способа пролить чернила: Философские работы / Дж. Л. Остин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 335 с.; Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Серль // Философия языка. Изд. 2-е. – М.: Едиториал, 2010. – С. 56-74.

⁷ Новик, Е.С. Прагматический аспект магических обрядов / Е.С. Новик // Лотмановский сборник / Ред.-сост.: Пермяков Е.В. – М.: ОГИ, 1995. – С. 655-666; Толстая, С.М. К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора / С.М. Толстая // Образ мира в слове и ритуале: Балканские чтения-1. – М., – 1992. С. 197-209; Адоньева, С.Б. Прагматика фольклора / С.Б. Адоньева. – СПб. – 2004. – 312 с.; Левкиевская, Е.Е. Прагматика мифологического текста / Е.Е. Левкиевская // Славянский и балканский фольклор: семантика и прагматика текста / Российская академия наук, Ин-т славяноведения / Отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2006. – С. 150-213; Левкиевская, Е.Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: Дис. Д-ра филол. наук / Левкиевская Елена Евгеньевна. – М.: Институт славяноведения РАН. – 2007. – 634 с.; Левкиевская, Е.Е. Быличка как речевой жанр / Е.Е. Левкиевская // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. – М., 2008. – С. 341-363; Христофорова, О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции. Дисс... Д-ра филол. наук / Христофорова Ольга Борисовна. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. – 294 с.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в диссертации:

- впервые проведено *комплексное исследование моделей толкования*, обнаруживаемых в рассказах о вещих сновидениях;
- вскрываются *механизмы интерпретации оригинальных образов сновидений* и показывается, что они истолковываются рассказчиками не произвольно, но при помощи закрепленных в традиции интерпретационных моделей;
- детально рассмотрена *прагматика рассказов о вещих сновидениях*: показано, что интерпретация увиденных во сне образов зависит не только от их соотнесения с устойчивыми значениями, закрепленными в традиции, но и от иных факторов, не относящихся к уровню текста.
- в научный оборот *введен корпус собранных и расшифрованных автором текстов*, а также архивных материалов.

Научно-практическая значимость исследования

Выводы, полученные в ходе данного исследования, могут быть использованы для дальнейшего изучения устных нарративов, а также при подготовке учебных курсов по славянскому фольклору. Собранный автором материал может представлять интерес для фольклористов, славистов, культурологов, антропологов, филологов, лингвистов, психологов.

Апробация работы

Основные положения диссертации были представлены в рамках постоянно действующего Межвузовского научного семинара Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» (2015 – 2017 гг.), а также в докладах на междисциплинарной научной конференции по итогам конкурса выпускных

квалификационных работ студентов РГГУ (март 2015 г., Москва, РГГУ), IV международной научной конференции «Демонология как семиотическая система» (июль 2016 г., Москва, РГГУ), международной научной конференции «Уникальное и типичное в фольклоре» (ноябрь 2016 г., Москва, РГГУ), всероссийской конференции молодых ученых «Антропология времени» (март 2017 г., Москва, РГГУ), международной конференции студентов и аспирантов «Антропология, фольклористика, социолингвистика» (март 2017 г., Санкт-Петербург, ЕУСПб), всероссийской конференции «Иллюзорные миры и медиумические практики в пространстве культуры» (декабрь 2017 г., Москва, РАНХиГС), всероссийской научной конференции молодых ученых «Фольклористика и культурная антропология сегодня» (март 2018 г., Москва, РГГУ); V международной научной конференции «Демонология как семиотическая система» (май 2018 г., Москва, РГГУ).

По теме исследования опубликовано 13 работ, в том числе 5 статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при министерстве образования и науки РФ для опубликования результатов диссертационного исследования. Общий объём опубликованных работ составляет 8,1 п.л.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Перечень толкований «устного сонника» не способен покрыть всего многообразия оригинальных сюжетов сновидений и уникальных жизненных обстоятельств, с которыми соотносятся рассказанные сны. По этой причине интерпретация увиденных во сне образов имеет индивидуальный (связанный с личными предпочтениями, ассоциациями и жизненным опытом сновидца) и окказиональный характер (зависящий от текущих жизненных обстоятельств сновидца и последовавших за сновидением событий).

2) Народная традиция толкования снов включает в себя набор устойчивых моделей, в соответствии с которыми осмысляется увиденное во сне (иначе говоря, в соответствии с которыми формируются рассказы о

вещих сновидениях). С помощью этих моделей могут «разгадываться» любые образы и сюжеты снов, а не только те, толкование которых закреплено в культуре в виде общеизвестных формул.

3) На толкование конкретного сновидения могут влиять такие факторы, как: эмоциональное состояние сновидца (во время сна или сразу после пробуждения); соотнесенность увиденных во сне образов (ландшафтов, персонажей) с реальными объектами (локусами, людьми); близость сюжета сна к мифологическим рассказам других типов.

4) Комментарии, которые дают рассказчики, поясняя причины того или иного толкования своего сна, не всегда совпадают с реальным механизмом интерпретации сновидения. Респонденты склонны объяснять значение сновидения, апеллируя к текстам «устных» (или письменных) сонников, в то время как при структурно-семиотическом анализе нарратива выявляется значимость не столько отдельного образа-эмблемы (выделенного самим рассказчиком), сколько целого комплекса (связанных с ним) мотивов, символика которых универсальна для многих текстов.

5) Нарративы о сбывшихся сновидениях нуждаются в изучении в широком культурном контексте. Образы и мотивы вещих сновидений могут повторять образно-мотивный ряд мифологических рассказов, примет, гаданий, народной лирики, пословиц, загадок и т.д. Расширение круга используемых для сравнительного анализа источников позволит пролить свет на символику сновидений.

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка, включающего 415 наименований, списка информантов и архивных материалов. Общий объем работы составляет 335 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект, предмет и материал исследования, формулируются цель и задачи работы, выносимые на защиту положения, аргументируется научная новизна и научно-практическая значимость диссертации.

В **первой главе** подробно рассмотрена история изучения народной традиции толкования сновидений, начиная с записи «народных сонников» (конец XIX в.) и заканчивая современными исследованиями. Особое внимание уделяется работам, в которых изучается структура рассказов о снах и затрагивается проблема логики толкования сновидений.

Во **второй главе** рассмотрены модели толкования сновидений, в центре сюжета которых – образы-проекции объектов материального мира (дом, печь, дерево, одежда, личные вещи) и реальной обстановки (дворы, улицы, внутреннее пространство помещений).

В *первом разделе* изучаются модели толкования образов сна, воспроизводящих реальные объекты материального мира. Проекция материальных объектов, как правило, не привлекают внимания сновидца, если сняты в своем обычном состоянии и используются по назначению. Интерес вызывают их определенные метаморфозы и символические действия с ними. Основные мотивы, характерные для исследуемой группы текстов: испорченность, уничтожение, утрата объекта. В подобных рассказах речь всегда идет о предметах, которые кому-то принадлежат. В работе были выделены две модели их интерпретации:

- 1) Объект – человек (хозяин);
- 2) Объект – коллектив (группа владельцев, семья).

В соответствии с первой моделью объект соотносится с отдельным человеком, а его испорченность или утрата (чей-то дом рушится, растущее у

дома дерево срублено или засохло, личная вещь потеряна) предсказывает смерть или болезнь владельца. Во втором случае объект символизирует семью или группу родственников. Обычно в сюжетах, сводящихся к этой модели, речь идет об отделении от объекта заметной части (например, в доме рушится одна стена, на дереве ломается отдельная ветка). Отпавшая часть (стена, ветка, плод, элемент печи) соотносится с одним из родственников, который «отваливается» от семьи. Чаще всего выражение «отвалится» выступает в качестве эвфемизма слова «умрет». В некоторых случаях сон о разрушившемся объекте может иметь и другие значения: например, соотноситься с разводом, осмысляемым как разрушение семьи.

Во *втором разделе* исследуются модели толкования проекций существующих в действительности мест. Рассмотренные примеры показывают, что соотнесение увиденного во сне пространства с реальным локусом в ряде случаев играет ключевую роль при толковании сновидения. Образ знакомого места может интерпретироваться в соответствии с двумя описанными в работе моделями:

- 1) Пространство как символ населяющих его людей (сновидца, соседей сновидца, всего населения определенной территории);
- 2) Пространство как визуализация жизненного пути (сновидца и его близких).

В рамках первой модели знакомая территория осмысляется как символ людей, которые ее населяют (подобно тому, как материальный объект может символизировать во сне своих владельцев). В рассказах данного типа речь идет о домашнем локусе (приусадебном участке, внутреннем пространстве жилища) конкретных людей, часто – самого сновидца. Состояние приснившейся территории, значение появляющихся (или исчезающих) на ней образов и разворачивающихся сюжетов проецируется на ее обитателей.

С помощью второй модели интерпретируются сновидения, предвещающие перемены, связанные с перемещениями в пространстве

(переездом, сменой места работы и т.д.). Сюжеты таких снов можно в свою очередь разделить на две группы:

а) некий символ, помещенный в проекцию реального пространства, указывает на связь судьбы сновидца с приснившимся локусом, который впоследствии становится значимым в его жизни;

б) перемещения (сновидца, предметов, персонажей) в проекции знакомого пространства соотносятся с будущими пространственными переменами в жизни сновидца (его близких).

В отличие от рассказов, отнесенных к первой модели, в рассматриваемых нарративах отсутствует (или не играет ключевой роли) связка «пространство – живущие в нем люди». Как правило, в этих сюжетах указывается на общественную территорию, а не чей-либо домашний локус. Если в нарративах, построенных по первой модели, предсказание сна может относиться как к самому сновидцу и его семье, так и к другим людям (соседям, знакомым) или даже целому коллективу (население деревни), то в текстах, сводимых ко второй модели («пространство как визуализация жизненного пути»), прогноз сновидения предназначается только для сновидца и его близких (но не для посторонних людей).

При толковании рассмотренных сюжетов происходит сопоставление внешнего вида (предметного наполнения) реального локуса и его проекции. Важно учитывать, что приснившийся «реальный мир» никогда не бывает точной копией действительности, напоминая некое «зазеркалье», где реальность всегда искажена. Иначе говоря, мы имеем дело с таким осмыслением опыта (конструированием нарратива), при котором сходство увиденного во сне ландшафта с реальным понимается как их тождественность, а определенные – не любые – отличия между ними воспринимаются как знаки и становятся предметом осмысления. Таким образом, можно говорить о некоем устойчивом наборе мотивов, связанных с трансформациями реального локуса.

В большинстве случаев респондентами выделяются те метаморфозы знакомого пространства (а также «помещенные» в него символы и сюжеты), которые сводятся к стереотипным образам, повторяющимся во многих текстах и включенным в перечень толкований «устного сонника». Например, появление мух как предвестник покойника, яма или холм как могила, срубленное дерево – метафора прерванной жизни. Перечисленные символы могут иметь одинаковое значение, независимо от того, в каком пространстве они возникают во сне, однако их появление в проекции чьего-то домашнего локуса указывает на адресата содержащегося в сюжете сновидения «сообщения».

Внимание толкователя, как правило, привлекают заметные отличия приснившегося пространства от реального. Например, видение знакомого ландшафта, который в действительности наполнен зеленью, пустынным может интерпретироваться с помощью формулы «земля – к смерти» (так как вместо травы сновидец созерцает голую почву). При этом отсутствие растительности становится замеченным и истолкованным, поскольку реальный локус отличается от увиденного во сне. Эту мысль подкрепляет тот факт, что рассказы, где бы сновидец подвергал толкованию видение «земли» на территории, где и в действительности ничего не растет, зафиксированы не были.

Информанты обычно объясняют значение сна, ссылаясь на известные им снотолкования (например, «мухи / земля / срубленное дерево – к покойнику»). Однако мы можем заключить, что в рассмотренных текстах именно «необычность» знакомого локуса играет ключевую роль при осмыслении сна, поскольку ее описание:

- 1) становится сюжетообразующим мотивом рассказа⁸;
- 2) сигнализирует о необходимости истолковать сон (определенную деталь его сюжета, связанную с трансформацией);

---

⁸ Сафронов, Е.В. Сновидения в традиционной культуре... С. 84-85.

3) актуализирует то или иное значение «сонника» (срубленное дерево – предвестник смерти), культурную коннотацию (растущий возле дома дуб – двойник хозяина), интерпретационную модель (пропавший объект – умерший человек).

Другими словами, обнаружение символически значимого отличия приснившегося локуса от реального запускает процесс толкования сна и определяет всю его логику.

Сделанные во второй главе наблюдения опровергают представление о том, что интерпретация сновидения исчерпывается неким набором известных носителям традиции правил: часто она обусловлена соотношением увиденного во сне с той уникальной средой, которая окружает конкретного сновидца. Поскольку сновидения, в которых человек созерцает знакомые места и объекты, снятся людям регулярно, можно сделать вывод, что толкование снов во многих случаях представляет собой не столько попытку усмотреть и разгадать какие-то отвлеченные символы (как, например, гадание на воске или кофейной гуще), сколько осмысление искаженного образа реальности сквозь призму известных снотолкований и интерпретационных моделей.

Третья глава диссертации посвящена исследованию реализации рассмотренной ранее модели *объект – коллектив* в рассказах о сновидениях, содержащих соматические метафоры. В данных нарративах в качестве объекта, символизирующего коллектив, обычно выступает тело сновидца. Была поставлена задача – выявить типичные и индивидуальные черты рассматриваемых текстов.

Среди исследуемого корпуса нарративов были выделены рассказы, интерпретация которых объяснима с помощью формул «сонника» (сны о выпадении зуба, волос). Несмотря на кажущуюся типичность, рассмотренные сюжеты имеют свои особенности. Например, сновидец может потерять один зуб, несколько или сразу все, он может по-разному реагировать на

происходящее во сне («понимать», что у него вырастут новые зубы; рыдать из-за чувства утраты; пытаться вставить выпавший зуб обратно). Сами толковательные тексты часто расходятся в интерпретации деталей таких снов. Например, в одних толкованиях «дальние» (задние, коренные) зубы символизируют дальних родственников (потеря которых незаметна), в других – наоборот, ассоциируются с родителями (крупный коренной зуб – значимый человек). При этом сюжеты сновидений получают окказиональные значения. Например, сон о выпадении всех зубов был соотнесен разными информантами: со смертью нескольких людей, со смертью одного человека, с болезнью родственника.

Переходя к анализу единичных сюжетов (сны об отрезании пальца, руки, отвалившейся ноге, отсутствии глаза, нижней половины тела – как у самого сновидца, так и у видимых им персонажей), мы замечаем ту же закономерность: лишение части тела во сне понимается как символ утраты близкого человека. При этом окказиональность значения таких снов (за счет отсутствия устойчивого, отлитого в формулу толкования) выражена еще более выпукло. Так, согласно логике исследуемой модели, все сюжеты об утрате части тела должны толковаться в негативном ключе, ведь любые повреждения («уменьшения») тела противопоставлены его целостности, нормальному состоянию. Однако интерпретации, как и сюжеты снов, варьируют, тяготея к смысловой доминанте «расставание» (смерть, развод, разлука родителей и взрослых детей, которых берут «в солдаты» или в жены), и в отдельных случаях связаны не только со смертью или разрывом отношений, но и с гораздо более благоприятными событиями, например, свадьбой (актуализирующей тему расставания матери и дочери).

Соотношение типичных и оригинальных сюжетов сновидений/интерпретаций представлено в таблице:

	типичные	оригинальные
сюжеты	выпадение зуба (зубов) стрижка волос выпадение волос	отрезание пальца отсечение руки отвалившаяся нога отсутствие глаза отсутствие половины тела
интерпретации	смерть родственников смерть знакомых убытки	развод с мужем уход родственника-мужчины в армию отделение взрослых детей от семьи родителей

Рассмотрев группу нарративов, мы приходим к выводу, что моделью для толкования сна выступает не столько формула «устного сонника», сколько более общая закономерность, которую можно сформулировать довольно широко: «отделение части тела – символ расставания с близкими». Сопоставляя рассказы о сбывшихся сновидениях, содержащие близкие мотивы и имеющие сходную интерпретацию, мы видим, что сюжет сна и соотносимое с этим сном событие могут быть индивидуальны и вариативны, в то время как способ связи между ними типичен. Причем чем необычнее сюжет вещего сновидения и неожиданнее его интерпретация, тем ярче такой текст способен иллюстрировать логику традиционных моделей толкования.

В **четвертой главе** диссертации рассмотрены нарративы о вещих сновидениях, где интерпретируются эмоциональные состояния сновидца (во время сна и после пробуждения), аудиальные, кинестетические, ольфакторные, вкусовые сигналы, вербальные образы⁹.

---

⁹ Под *эмоциями* в работе понимается указание на любые внутренние переживания сновидца, являющиеся реакцией на приснившийся сюжет. Сообщение об эмоциях может быть представлено в буквальной форме (например, рассказчик говорит, что чувствовал во сне тревогу), выражаться в оценочных суждениях (радостный сон, тревожный сон) или в описании эмоционального и физического состояния сновидца после пробуждения (например, «проснулась в слезах», «проснулась от напряжения»). Под *ощущениями* понимаются указания на испытанные сновидцем вкус, запах, телесные и вестибулярные сигналы. В качестве указания на ощущения будут использоваться слова «вкус» («сладкое», «кислое», «горькое», «соленое» и т.д.), «запах», «аромат», «пахнуть», «звук», «слышать» (а также глаголы, обозначающие действие или явление, в результате которого

В *первом разделе* выявляются модели толкования снов, в которых сновидец испытывает или выражает эмоции. Среди рассмотренных рассказов были выделены две группы, в зависимости от способа истолкования эмоций сновидца:

1) эмоции предвещают противоположные переживания в дневной жизни (по принципу обратного толкования: «радость – к слезам», «слезы – к радости»);

2) эмоции получают буквальное толкование (например, отрицательные эмоции во сне – к чему-то неприятному в жизни, или конкретнее: чувство стыда во сне – к позору наяву).

Сравнивая обе группы рассказов, можно сделать вывод, что в первом случае интерпретируются не столько эмоции, сколько выражающие их действия: плач, смех, танцы, пение. Сновидец не всегда ощущает соответствующие этим действиям чувства (в особенности это касается снов о выражении радости), либо видит кого-то другого смеющимся, танцующим, поющим (в этом случае сон истолковывается по той же модели, только прогноз сна будет не для сновидца, а для увиденного во сне человека).

Буквальное толкование испытанных во сне эмоций чаще всего связано с понятием «тревожных снов». «Тревожными» информанты называли сновидения, вызывающие неприятные чувства (беспокойство, страх, растерянность и т.д.). Такие сны интерпретировались опрошенными как «плохие». Влияние эмоциональных переживаний сновидца на осмысление сновидения хорошо заметно во время коллективного обсуждения снов респондентами (в ходе групповых интервью). Например, сновидец склонен осмыслять сон как негативный, хотя его собеседники считают, что сновидение предвещает «что-то хорошее». Рассказчик аргументирует свою позицию тем, что сновидение связано с отрицательными эмоциями.

производится звук: «гудеть», «журчать», «петь», «говорить»), «чувствовать», «ощущать» («боль», «холод», «тепло», «тяжесть», «легкость» и т.д.).

Иными словами, негативные переживания создают у сновидца *установку* на пессимистическое истолкование сновидения. В результате респондент склонен обращать внимание на те детали сюжета (образы, мотивы), которые в снотолкованиях предвещают беду, и игнорировать благоприятные знаки. Справедливо и обратное: позитивные переживания во сне выводят на первый план символы, которые имеют «положительную» трактовку в «соннике»¹⁰.

Таким образом, ожидания сновидца определяют формирование пересказа сна и последующее соотнесение приснившегося с событием реальности. Анализируя записи интервью, мы приходим к выводу, что эмоциональное состояние сновидца (как во сне, так и сразу после пробуждения) можно рассматривать как *фактор*, влияющий на процесс текстопорождения¹¹.

Как мы видим, характерное для текстов «сонника» переворачивание значения эмоций (*смеяться – к слезам, плакать – к радости*), которое часто встречается в записях фольклористов, связано с довольно узкой группой сюжетов снов (ограниченный набор символических действий, осмысляемых как выражение чувств). В то время как интерпретация по принципу подобия переживаний, испытанных во сне и наяву, используется при осмыслении сновидений регулярно, хотя и не эксплицируется в виде кратких формул «сонника». В последнем случае эмоции сновидца являются не столько объектом толкования, который можно выделить как отдельную деталь сюжета (символ), сколько неким *стержнем*, вокруг которого строится весь рассказ о сне.

---

¹⁰ Стоит сделать оговорку, что данный принцип нельзя назвать абсолютным. Поскольку толкование сна зависит от самого сновидца (а значит, в той или иной степени произвольно), нельзя исключить, что мы можем встретить рассказы о кошмарных сновидениях, которые будут истолкованы как положительные, и о «приятных» снах, которые будут осмысляться как «предвещающие противоположное» (что в целом совпадет с логикой «устного сонника»). В данном случае речь идет об общей тенденции.

¹¹ Здесь нужно подчеркнуть, что, исследуя рассказы о сновидениях, мы можем описывать эмоции и ощущения только как элемент нарратива. Однако, анализируя тексты, мы способны делать некоторые заключения о внетекстовой действительности, связанной с памятью и опытом рассказчика.

Другими словами, толкование сновидения на основе тождества переживаний во сне и наяву можно сравнить с принципом оценки, который С. Небжеговска поставила во главу угла для «устного сонника»¹². При этом в «соннике» как хороший или плохой оценивается отдельный символ, а в нарративе о вещем сне образ может быть значим не сам по себе, а в рамках развернутого сюжета – «приятного» или «неприятного» для сновидца.

Во *втором разделе* рассматриваются случаи, когда объектом интерпретации становятся ощущения сновидца (обонятельные, осязательные, тактильные, вестибулярные), а также услышанные во сне звуки и слова. В подавляющем большинстве снотолкований говорится о значении зримых образов – предметов, «имеющих определенный внешний вид, которые можно нарисовать»¹³, что совпадает с выражением «*видеть сон*». Однако в ряде рассказов о вещих сновидениях ключевое значение имеет указание на чувственные переживания сновидца. В работе описываются модели их интерпретации.

Любые *телесные ощущения* (а также чувствование запаха и вкуса) можно определить как приятные или дискомфортные для сновидца. Первые обычно осмысляются как хорошие знаки (или актуализируют положительную символику видимых образов), вторые – как негативные (актуализируют отрицательные значения). Общая направленность толкования ощущений остается стабильной для разных сюжетов. Например, в нарративах, где упоминается ощущение сновидцем боли (выпадение зуба, укус животного, получение раны), сон истолковывается как предвестник страданий (смерть близких, болезнь, проблемы).

Услышанные во сне *звуки* обычно соотносятся с другими звуками наяву по принципу подобия. Например, *шум* предвещает *разговор*, *музыка* ассоциируется с *отпеванием* покойника. Последние (*разговор*, *отпевание*) в свою очередь соотносятся с конкретными жизненными событиями:

---

¹² Небжеговска, С. Сонник как жанр польского фольклора / С. Небжеговска // Славяноведение. – 1994. – № 5. – С. 70.

¹³ Там же. С. 67.

«разговор» – новость, сообщение (причем не обязательно устное), отпевание – чья-то смерть.

Вербальные образы – речь и мысли сновидца, услышанные во сне слова и диалоги:

1) осмысливаются по тем же принципам, что и визуальные образы (разговор о земле во сне рассматривается как предвестник смерти, что соответствует снотолкованию «земля – к смерти»);

2) имеют буквальное значение (сообщение о чьей-либо смерти во сне понимается как предсказание смерти);

3) истолковываются в рамках определенных клише, что характерно для иномирных снов (умерший родственник говорит во сне, что он голоден – это указывает на необходимость его помянуть)¹⁴.

Рассказ о вещем сновидении представляет собой редуцированный текст, как правило, сводящийся к описанию одного/нескольких визуальных образов. Упоминание об испытанных во сне ощущениях и эмоциях часто опускается, что было показано на примере записанных интервью. Во многих случаях рассказчик говорит о них лишь в процессе более подробного обсуждения сна, в ответ на прямой вопрос. При этом, как показано на рассмотренном материале, логика интерпретации сновидения часто остается неясной, если не принять во внимание его эмоциональный и чувственный аспекты.

В **пятой главе** диссертации рассмотрены нарративы о сновидениях, структура и образно-мотивное наполнение которых близки к мифологическим рассказам. Выявляются общие (наджанровые) интерпретационные и текстопорождающие модели для обеих групп текстов.

В *первом разделе* исследуется интерпретация сюжетов сновидений, содержащих образ белой или черной лошади. Среди них часто встречаются сны о покойниках, которые увозят человека на белых/черных конях (что предвещает его смерть в реальности). Подобные нарративы сравниваются с

---

¹⁴ См. об этом: Сафронов, Е.В. Сновидения в традиционной культуре... С. 112-154.

рассказами о демонических персонажах, заманивающих героя в свою повозку. Сопоставляя данные группы текстов, мы видим, что мифологические рассказы и нарративы о снах в ряде случаев имеют сходную структуру и семантику: *персонаж увозит героя → герой после этого умирает*. Отъезд вместе с персонажем в обоих случаях означает гибель того, кто сел к нему в транспорт.

Белый и черный цвет лошади в таких текстах неслучаен: он указывает на иномирную природу ее всадника. Хотя в «устном соннике» закреплены разные значения белого и черного коня («черный конь – к болезни, белый – к смерти»), при толковании сновидений осмысление масти лошади ближе к моделям мифологических рассказов, в которых белый или черный цвет синонимичны (одни и те же персонажи в разных текстах могут быть как белыми, так и черными). Указание на белую или черную окраску приснившихся коней «запускает» определенные модели интерпретации сна, с помощью которых осмысляются похожие образы в мифологических рассказах (белый/черный конь – атрибут демонического персонажа).

Второй и третий раздел посвящены детальному анализу отдельных нарративов о снах. Рассмотрен сюжет сновидения, героиня которого движется по направлению к огромной жабе с раскрытой пастью. Этот сон связывается респонденткой с болезнью и смертью сновидицы. К данному тексту можно найти множество параллелей в мифологических рассказах из разных восточнославянских регионов, где в качестве демонического существа выступает жаба (лягушка) неестественно больших размеров. Наиболее близки к нему (по структуре и образно-мотивному наполнению) рассказы о посвящении в колдуны. Роль раскрывшего пасть существа в этих текстах (демон, проглатывающий неопита) позволяет объяснить интерпретацию сходного сюжета сновидения. В мифологических нарративах речь идет о *ритуальной смерти* иницируемого (метафора смерти и возрождения в новом статусе). При толковании сна символическая смерть сновидца осмыляется как *предсказание смерти* реальной. Отсутствие

устойчивых формул интерпретации жабы или лягушки (как и вообще записей снотолкований, согласно которым ее видение предвещало бы смерть) подкрепляет данный вывод.

Анализ рассказов о снах показывает, что респонденты склонны обращать внимание на такие детали сюжетов сновидений, которые повторяют образы и мотивы других текстов культуры. Логика интерпретации снов часто строится в соответствии с объяснительными моделями мифологических рассказов.

При этом интерпретация происходящих наяву «событий» заключается в *распознании* демонического персонажа¹⁵ (с помощью определенных маркеров: например, белого цвета), указании на причины и последствия контакта с ним. Например, в быличке смерть героя понимается как *результат* вредоносных действий нечистой силы. Сновидения, содержащие близкие мотивы (всадник на белых лошадях увозит человека), притягивают аналогичные объяснения (сон предвещает смерть). Только в мифологическом нарративе финальное событие (смерть героя) представлено как *следствие* встречи героя с персонажем, а в рассказе о вещем сне подается как *предсказание* будущего.

В заключении дано краткое обобщение всего написанного:

- перечислены *факторы*, влияющие на толкование сновидения:
  - соотнесенность увиденных во сне образов с объектами реальности
  - эмоциональное состояние сновидца (во время сна/пробуждения)
  - близость сюжета сновидения к мифологическим рассказам
- названы *интерпретационные модели*, которые были выявлены при анализе нарративов о снах
- сформулированы *перспективы* исследования

После основного текста приведен список использованной литературы, данные об информантах, ссылки на архивные материалы.

---

¹⁵ Левкиевская, Е.Е. Быличка как речевой жанр... С. 347.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, утвержденных ВАК:

1) Лазарева, А.А. Выпавший зуб, упавший потолок и другие онирические сюжеты в рамках традиционных моделей толкования сновидений / А.А. Лазарева // Этнографическое обозрение. – 2016. – №1. – С. 89-103.

2) Лазарева, А.А. Белый конь и черный мустанг: образ лошади в рассказах о вещих снах / А.А. Лазарева // Традиционная культура. – 2016. – №4. – С.159-171.

3) Лазарева, А.А. Эмоции как объект толкования в славянских народных рассказах о вещих снах / А.А. Лазарева // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2016. – №2. – С. 30-46.

4) Лазарева, А.А. Символика дерева в сновидениях / А.А. Лазарева // Традиционная культура. – 2017. – № 4. – С. 145-158.

5) Лазарева, А.А. Невизуальное в сновидениях: толкование ощущений и чувств / А.А. Лазарева // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – №12. – С. 50-59.

Публикации в других изданиях:

6) Лазарева, А.А. Животное как демонический персонаж в нарративах о вещих снах / А.А. Лазарева // Демонология как семиотическая система. Тезисы докладов IV международной научной конференции / Сост. и ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. – М.: РГГУ, 2016. – С. 60-64. – URL: www.ruthenia.ru/folklore/2016_demonology4.pdf (дата обращения 28.08.2018).

7) Лазарева, А.А. Груша спелая и груша зеленая: концептуализация времени в рассказах о вещих сновидениях / А.А. Лазарева // Сборник тезисов конференции молодых ученых / сост.: Н. С. Петрова, Н. Н. Рычкова. – М.: РГГУ, 2017. – С. 47-50.

8) Лазарева, А.А. Символика деревьев в рассказах о вещих сновидениях / А.А. Лазарева // Антропология. Фольклористика. Социолингвистика: Сборник тезисов конференции студентов и аспирантов. – СПб.: ЕУСПб, 2017. – С. 60-64. – URL: https://eu.spb.ru/images/et_dep/afs6/TezisyAFS2017.pdf (дата обращения 10.08.2017).

9) Лазарева, А.А. Семиотизация «реальности» в мире снов / А.А. Лазарева // Иллюзорные миры и медиумические практики в пространстве культуры: Тезисы и материалы Всероссийской конференции с международным участием. Москва, РАНХиГС, 1-2 декабря 2017 / Сост. и ред.: Н.В. Петров, О.Б. Христофорова. – М.: Издательский дом «Дело», 2017. – С. 99-102.

10) Лазарева, А.А. Образы сновидений в контексте фольклорных сюжетов / А.А. Лазарева // Журнал практического психолога. – 2018. – №1. – С. 42-45.

11) Лазарева, А.А. Исследование интертекстуальности и границ текста на примере рассказов о сновидениях / А.А. Лазарева // Фольклористика и культурная антропология сегодня: Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых. Москва, РГГУ, 6-7 марта 2018 г. / Сост. Н.С. Петрова, Н.Н. Рычкова. – М.: РГГУ, 2018. – С. 44-45.

12) Лазарева, А.А. Рассказы о сновидениях как особый жанр [Рец. на: Е.В. Сафронов. Сновидения в традиционной культуре. – М., 2016] / А.А. Лазарева // Живая старина. – 2018. – №1. – С. 64-67.

13) Лазарева, А.А. Домовой, ходячий покойник и покинувшая тело душа: интерпретации сонного паралича в восточнославянской культуре / А.А. Лазарева // Демонология как семиотическая система. Материалы V международной научной конференции. Москва, РГГУ, 24-26 июня 2018 г. / Сост. и ред. О.Б. Христофорова, Д.И. Антонов. – М., 2018. – С. 94-98. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/2018_demonology5.pdf (дата обращения 28.08.2018).